

УДК 94

DOI: 10.18324/2224-1833-2021-2-93-100

Научное сотрудничество СССР и Монголии: первые опыты модернизации номадизма в МНР в 1930-е гг.

С.Г. Жамбалова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения СО РАН), Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Россия

zhambalovas@yandex.ru

Статья поступила 15.04.2021, принята 17.06.2021

Статья С.Г. Жамбаловой написана на основе публикаций советских научных специалистов в журнале «Современная Монголия», непосредственно принимавших участие в модернизации монгольского номадизма в 1930-е гг. Она осуществлялась в госхозах и сводилась к внедрению практики интенсивного животноводства в традиционное монгольское экстенсивное скотоводство: метизация овец, создание стойлового содержания, подкормка и т.п. Имела место дискуссия по принципиальным вопросам модернизации номадизма.

Ключевые слова: научное сотрудничество, СССР, Монголия, номадизм, модернизация, дискуссия

Scientific cooperation between the USSR and the Mongolian People's Republic: the first experiments in the modernization of nomadism in the Mongolian People's Republic in the 1930s.

S.G. Zhambalova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS; 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia

zhambalovas@yandex.ru

Received 15.04.2021, accepted 17.06.2021

The article by S.G. Zhambalova was written on the basis of publications in the journal "The Modern Mongolia" by Soviet scientific specialists, who were directly involved in modernization of Mongolian nomadism in the 1930s. It was carried out in state farms and came down to the introduction of the practice of intensive livestock raising in traditional Mongolian extensive livestock raising: cross-breeding of sheep, creation of stall keeping, feeding, etc. A discussion took place on the fundamental issues of the modernization of nomadism.

Keywords: scientific cooperation, USSR, Mongolia, nomadism, modernization, discussion.

Введение. Статья посвящена одной из граней научного сотрудничества СССР и МНР – первым шагам модернизации монгольского номадизма, предпринятого на научной основе с помощью советских специалистов в 1930-е гг. Как известно, в истории МНР (1924-1992) выделяют два основных этапа преобразований: демократических (1921–1940) и социалистических (1940–1990). Была создана программа создания экономических предпосылок для строительства социализма, затем страна взяла курс на социалистические преобразования, ориентируясь на мероприятия, проводимые в

СССР. Для создания устойчивой экономики в государстве, где сельское население составляло большинство и вело кочевой образ жизни на базе экстенсивного кочевого скотоводства, были проведены многолетние исследования монгольского номадизма, осуществленные советскими учеными на основании договоров о сотрудничестве между СССР и МНР. Несмотря на то, что все изыскания доказывали рациональность сохранения экстенсивного кочевого скотоводства, как важной части экономики страны, одной из задач исследований

было выявление путей его модернизации для повышения производительности труда.

Актуальность темы статьи определяется тем, что номадизм в его классическом виде продолжает сохранять ведущую позицию в экономике современного Монгольского государства, что делает актуальным рассмотрение предлагавшихся в 1930-е гг. путей его модернизации. За время социалистического периода развития страны, безусловно, были осуществлены весомые трансформации в кочевом хозяйстве МНР, состоялась ее довольно активная модернизация, однако не затронувшая ядра кочевого образа жизни аратов [1]. Поэтому после развала социалистической системы в стране быстро произошла реномадизация, возврат части населения от оседлого образа жизни к кочевому [2].

В 2019 г. Б. Даваажав приводит следующие данные, свидетельствующие о том, что Монголия продолжает оставаться аграрно-индустриальной страной, сохраняющей животноводческую направленность в экономике. Около 80 % территории Монголии до настоящего времени используются как пастбища. В 1950 г. 60 % национального дохода производилось в сельском животноводческом хозяйстве. В 1975 г. оно снизилось до 22,4 %. В постсоветское время эта цифра возросла до 30 %. В 2019 г. 70 % экспортной продукции, включая изделия, составляет сельскохозяйственное сырье [3, с. 77].

В период реформ после 1992 г. и в постсоциалистическое время, как выявили Д.Ж. Батуева и В.А. Тайшин, «сельскохозяйственное производство Монголии в целом сохраняет традиционную, четко выраженную специализацию. Традиционное животноводство Монголии базируется на использовании в основном кормов естественных угодий и дает самое дешевое мясо, шерсть, кожу и молоко» [4, с. 12]. По результатам их обследования в 2005–2006 гг. в Орхонском, Арахангайском, Хубсугульском и Центральном аймаках Монголии в среднем на одну семью приходилось примерно 106 голов скота, в том числе 18 КРС, 6 лошадей, 82 мелкого рогатого скота (овец и коз). Они выявили, что животноводство ведется в основном экстенсивно и базируется на круглогодичном пастбищном содержании скота с перекочевками по сезонам года. Разводится преимущественно малопродуктивный скот местной селекции. Большинство аратов (64 %) живёт и трудится в отдалении от центра сбыта своей продукции, Они не вовлечены в рыночные отношения. Большое число из опрошенных понимает невозможность решения имеющихся социальных и трудовых проблем [4, с. 12].

Материалы и методы. Данная статья написана на материалах журнала «Современная Монголия», развернутая характеристика которому дана в предыдущей статье о советско-монгольском сотрудничестве в области изучения номадизма, написанной также на материалах этого издания [5]. Она базируется на малоизвестных материалах шести статей трех советских исследователей, командированных в Монголию для изучения номадизма, как основного сегмента экономики страны, получения практических рекомендаций по их реализации. В имеющихся в Улан-Удэ номерах журнала удалось найти статью А.Р. Жебрака М.К. [6], четыре статьи А.А. Мелешко [7-10] и статью М.И. Тубянского [11], где рассматриваются проблемы модернизации кочевого скотоводства. Они верифицированы данными из современных научных работ и рассмотрены при помощи темпорально-компаративного метода.

Ранее выявлено, что Антон Романович Жебрак, советский генетик и селекционер, академик АН БССР (1940), с мая по ноябрь 1947 г. президент АН БССР опубликовал 70 научных работ, в числе которых 3 монографии. В 1933 г. он совершил экспедицию в МНР, где собрал коллекцию дикорастущих степных кормовых трав [5, с. 129]. Он написал серьезную статью о путях и методах интенсификации кочевого животноводства МНР. Зоотехник А.А. Мелешко работал в Министерстве животноводства и земледелия Монголии. В 1937 г. подготовил работу о развитии зоотехнии в Монголии [3, с. 85]. Других данных об исследователе найти не удалось. М.И. Тубянский, сотрудник Азиатского музея, был командирован в Монголию в 1927 г. для исследования быта монголов по материалам монгольских монастырей, и тибетской философской, и научной литературы. Основанием для командировки было его знание, помимо индийских языков, монгольского, китайского и тибетского [13, с. 92, 93]. В Монголии он проживал с 1927 по 1936 гг., был сотрудником полпредства СССР, в 1930–1936 гг. ученым секретарем Учкома МНР. С его приходом на это место возможности влияния на Учком МНР с советской стороны значительно возросли, но в то же время нельзя сказать, что на этом этапе данный комитет оказался в подчиненном от АН СССР положении. Впоследствии в 1937 г. М.И. Тубянский был репрессирован, как и некоторые другие, работавшие в МНР специалисты [12, с. 122-123].

Советско-монгольскому научному сотрудничеству по изучению номадного хозяйства Монголии в 1930 г. посвящено немало работ. Это тема рассматривается в работах общего характера по на-

учному сотрудничеству двух стран, среди которых известные работы Т.И. Юсуповой [13], В.В. Митина [12] и др. Среди работ последних лет статьи монгольского исследователя Б. Даваажав, посвященные сотрудничеству СССР и МНР в области сельского хозяйства [14, 15]. В 2019 г. ею защищена диссертация «Советско-монгольское сотрудничество в становлении и развитии сельского хозяйства и в подготовке сельскохозяйственных кадров МНР (1924-1991 гг.)» [3]. Она пишет, что исследования советских научных экспедиций по изучению природных и хозяйственных ресурсов легли в основу практических преобразований страны для создания новой экономики. В результате были рекомендованы развитие сенокосения, строительство помещений для скота, подбор породистого скота, подкормка молодняка и т.д. Далее она объективно отмечает:» Многие предложения по интенсификации скотоводческого хозяйства и превращению его в животноводческое со стойловым содержанием скота не были применены. Они нерациональны в природно-климатических условиях МНР». Кочевое скотоводство получило развитие в регионе благодаря тысячелетней адаптационной деятельности. [3, с. 61]. Несмотря на ряд имеющихся работ, выявляется, что научное сотрудничество СССР и МНР в плане практического применения полученных научных результатов в процессе модернизации номадизма в МНР в 1930-е гг. специально не рассматривалось.

Прежде чем перейти непосредственно к характеристике статей следует остановиться на общей картине истории Монголии в исследуемый период. В результате победы Народной революции 1921 г. земля была объявлена государственной собственностью. В 1923 г. были созданы государственные сельскохозяйственные предприятия (госхозы) в Дзунхаре, в 1925 г. – в Кобдо, в 1927 г. – в Борнууре, в 1929 г. – в Жаргаланте. В 1930 г. существовало 8, в 1940 г. 10 госхозов. В 1924 г. в Монголии взят курс на некапиталистическое развитие, в том же году она становится Монгольской народной республикой (МНР). В 1929 г. начата коллективизация, кампания, объединяющая единоличные аратские хозяйства в коллективные. В 1940 г. на X съезде МНРП было констатировано создание основ социалистического уклада и принято решение о формировании технической базы социализма. По примеру СССР начато долгосрочное планирование народного хозяйства [3, с. 78].

В 1930-е гг. СССР оказывал МНР существенную, часто безвозмездную материальную поддержку для развития и модернизации ее сельского хозяйства, основного сегмента экономики страны

той поры, командировал специалистов, отправлял сельскохозяйственную механизацию и занимался подготовкой квалифицированных кадров для ее обслуживания. В 1928 г. был подарен первый трактор госхозу Дзунхара. В 1937 г. было подарено 10 машинно-сенокосных станций (МСС), которые состояли из 50 тракторов, 79 сенокосных машин, 325 сборочных машин, 25 прессовых машин, 30 лошадиных плугов. Советскими специалистами за два года после организации МСС было профессионально подготовлены 326 трактористов, 194 шофера и 50 помощников механиков. Благодаря братской помощи за короткое время было создано 10 ремонтных мастерских, в 1938 г. организовано еще 14 новых МСС. Машинный парк всех 24 МСС состоял из 107 тракторов, 822 косилок, 522 конных граблей [3, с. 78-79].

Результаты. А.Р. Жебрак выявляет пути и методы интенсификации кочевого животноводства МНР за счет улучшения качества пастбищ и создания стабильной кормовой базы. Он предлагает метод повышения производительности и устойчивости хозяйства за счет модернизации лугов и пастбищ, селекции и семеноводства кормовых трав, а также заготовки кормов. Он предлагает активное вмешательство в естественный процесс восстановления производительности пастбищных угодий, более организованную и регулируемую пастьбу на отдельных сменяемых делянках. Для того чтобы скот поедал все травы, независимо от их качества, и хорошо поедаемые ценные в кормовом отношении и не поедаемые животными. Для этого он предлагает на худшие делянки выпускать скот, когда он наиболее голоден. Он планирует изменить структуру кочевого хозяйства и закрепить пастбища за отдельными семьями, чтобы они заботились о состоянии своих пастбищ, а также осуществляли заготовку кормов для сохранения пастбищ в зимнее время. Он подсчитал, что, учитывая небольшой срок неблагоприятных дней для создания устойчивого хозяйства, нужно заготовить на каждую голову скота 6-8 пудов сена и один пуд на голову мелкого скота. При хозяйстве в 15 голов скота потребуется всего около 200 пудов сена, что, по его мнению, легко осуществимо [6, с. 5-8].

А.А. Мелешко в статье о первых опытах по модернизации овцеводства в Монголии оставил ценные достоверные сведения об образе жизни народов страны, населяющих трансграничную территорию с СССР (Читинская обл., ныне Забайкальский край). Он пишет, опираясь на собственные полевые материалы по изучению Ульдзегольского овцеводческого опытного госхоза, организо-

ванного в сентябре 1933 г. в северной части Восточного аймака, в горном массиве отрогов Яблонового хребта в системе р. Ульдзы на 80.000 га. Эта трансграничная территория использовалась так же, как пастбища для частного скота местного населения. Здесь в те годы жили буряты, цонголы, баргуты и немного китайцев, сохраняющие разные типы образов жизни. Буряты, цонголы, баргуты вели кочевой и полукочевой образ жизни, имели постоянные зимники, загоны для скота, зароды сена вблизи сенокосов; с начала июня по ноябрь находились на летних кочевках. Некоторые из них вели полуседлый образ жизни, имели постоянные зимники, избы, амбары, колодцы, стойки и загоны для скота, частично занимались земледелием, полеводством и огородничеством, производили заготовку сена, охраняли покосы от потрав. Летом кочевала только часть семьи, другая занималась домашним сельским хозяйством, охраной посевов и покосов, огородничеством, ремонтом сельскохозяйственных машин и инвентаря, сенокосением, уборкой посевов и пр. Монголы преимущественно вели кочевое скотоводство, и только отдельные хозяйства производили небольшую заготовку сена на время многодневных снежных бурь (*шурган*) и окота в зимне-весенний период. Китайцы занимались торговлей и промыслами и жили оседло в постоянных населенных пунктах. Большинство населения данной территории было зажиточное, многие хозяйства имели наемную рабочую силу [7, с. 58-60].

А.А. Мелешко проанализировал первые опыты модернизации овцеводства в этом госхозе. Одним из главных составляющих была селекция овец. Это выведение метисной породы, получившейся в результате метизации, скрещивания местной породы с породой тонкорунных овец. Мериносы типа Рамбулье, имели пышную и густую шерсть. При проведении опытов по метизации монгольской овцы мериносами стояли следующие задачи: испытать их акклиматизацию, передачу их полезных продуктивных качеств монгольской овце, получить доминантный и консолидированный тип генерации метисов с преобладающими и закрепленными полезными признаками исходных родительских форм (шерстная продуктивность мериносов и стойкость монгольской овцы). Работа проходила с учетом природных и других особенностей среды [7, с. 61].

Благодаря селекционной работе к осени 1934 г. в овцеводческом госхозе, где с 1 октября 1933 г. до 1 сентября 1934 г. были созданы условия для содержания овец, сформированы отары трех пород овец: местных монгольских, мериносов и метисов.

Созданные условия обеспечили удовлетворительную перезимовку стада, упитанность овец стала выше средней, и был сравнительно небольшой процент отхода (от 2.34 до 6.27 %). При этом процент падежа у овцематок монгольской породы немного превышал падеж у метисных овцематок, наибольший процент падежа давали разные болезни [7, с. 60]. Однако следует иметь в виду, что условия содержания овец кардинально различались, поэтому данные показатели можно считать относительными. На мой взгляд, при такой ситуации они не могут в полной мере объективно свидетельствовать о преимуществе той или иной породы в данных природно-климатических условиях. Мериносы имели зимнее стойловое содержание с 1 октября, где еще в течение месяца выпасались на пастбище зимников с подкормкой овсом и сеном, а с 1 ноября полностью переходили на стойловое содержание. На так называемом «базу», открытом дворе при кошаре, где установлены корыта для овса, а сено раздается в кучках, они проводили в сутки всего полтора – два часа. Остальное время содержались в теплой кошаре. Зимний водопой мериносов производился из ключа, находящегося в 215 м от кошары. Две другие породы круглый год находились на пастбище и имели в году две кочевки: с июня уходили на летные солончаковые пастбища (*гоби*), а в конце октября возвращались на зимники. При этом метисные матки и молодняк получали всю зиму дополнительную подкормку сеном на базу, на ночь загонялись в кошары. Монгольские отары в течение всего года, в том числе и в течение трех холодных месяцев (январь, февраль, март) находились под открытым небом. Молодняк иногда загоняли в ночное время под трехстенный односкатный навес. Жажду они утоляли снегом, совершали около шести небольших перегонов для смены пастбищ и с апреля становились на окот, где стояли до весенних кочевок в конце мая. Их подкормка сеном проводилась только в период случки и окота [7, с. 62-63]. При такой разнице содержания у маток местных пород от истощения пало 1,19%, у местного молодняка – 0,66 %, у метисных маток 1 генерации падежа от истощения не было. У метисного молодняка он составил 0,80%. Основной процент падежа у овец местной породы был обусловлен болезнями – 4%. Итого, производственный отход за год составил у местных маток – 6,27%, у местного молодняка – 5,25%, у метисных маток 1 генерации – 2,34%, у метисного молодняка 1933 г. – 3,13%. [7, с. 60].

Не все советские ученые сложную проблему модернизации монгольского номадизма рассматривали с приведенной выше позиции сплошной

интенсификации. Существовало другое мнение относительно его модернизации. Как видно из вышеприведенных материалов, А.Р. Жебрак предполагал, что модернизация должна свестись к улучшению качества пастбищ, не затрагивая основ номадизма. Главным оппонентом А.А. Мелешко являлся М.И. Тубянский, отстаивавший идею модернизации, не разрушающей основ экстенсивного кочевого скотоводства. Дискуссии выносились на страницы журнала «Современная Монголия». Например, статья А.А. Мелешко «Вопросы кочевничества» сопровождается следующей редакционной ссылкой: «Неоднократно упоминаемая т. Мелешко статья о кочевничестве, помещенная в № 4 (7) нашего журнала за 1934 г. (стр. 31-39) была дана редакцией со следующей оговоркой – считая некоторые положения автора спорными, редакция помещает эту статью в порядке обсуждения». Разделяя во всем основные положения, высказанные т. Мелешко в настоящей статье, редакция просит заинтересованных читателей принять участие в обсуждении практических вопросов состояния и развития монгольского кочевого скотоводства» [9, с. 3].

А.А. Мелешко как исследователь, работавший в Минскотзем МНР, в отличие от двух других исследователей, был больше занят практической работой внедрения в госхозах методов интенсивного животноводства в структуру номадного хозяйства – метизация овец, их перевод на стойловое содержание с подкормкой в холодное время года и т.п. Возможно, этим объясняется его позитивная оценка внедренных инноваций в структуру номадного хозяйства, сводившаяся в целом к переводу метисных животных к стойловому содержанию, противоречащему принципам монгольского номадизма. М.И. Тубянский высоко оценивал его практическую работу и научные статьи, однако считал ошибочным некритичное отношение к распространенной в то время негативной оценке возможностей зимнего пастбищного содержания скота из-за их непродуктивности. М.И. Тубянский, на мой взгляд, объективно считал, что вопрос необходимо рассматривать с анализа основных отличительных элементов и принципов монгольского кочевничества [11, с. 151].

Обсуждение. В 1930-е гг. советские специалисты доказывали, что экстенсивное кочевое скотоводство Монголии, в том числе овцеводство, нуждается в модернизации. Для этого нужно, например, по мнению А.А. Мелешко, вывести новые метисные, более продуктивные породы скота, перевести их на полукочевое/полустойловое содержание в зимнее время, развивать сенокосение и

заготовку корма, состоящего из сена, овса и других зерновых, строительство специальных построек, скотных дворов. В рассматриваемом Ульдзегольском овцеводческом опытном госхозе в 1930-х гг. было организовано содержание овец в трех типах строений: четырехстенные бревенчатые и крытые кошары с окнами, вентиляцией для меринсов, метисных овцематок и молодняка; трехстенные односкатные навесы для монгольского молодняка и традиционные аратские загоны (*хашан*) для монгольских овцематок [7, с. 67]. Советские научные специалисты понимали, что аратские хозяйства не могут позволить себе утепленные кошары и скотные дворы по следующим причинам: кочевое хозяйство, находящееся постоянно в движении и перекочевках; дороговизна построек и др. Также исследователи знали, что крупный рогатый скот и верблюды в скотных дворах не сильно нуждаются и т.п. Наиболее практичными в этих условиях представлялись традиционные монгольские загоны (*хашан*). Однако и в строительстве загонов советские специалисты предлагают провести определенную модернизацию – строить их из щитов из толстых дранок и досок [7, с. 68].

В результате многолетних исследований и практической работы советские специалисты пришли к заключению, что для модернизации необходима организация прочной кормовой базы, широкое развитие строительства переносных хашанов. При наличии постоянных зимников – трехстенных навесов, улучшение водоснабжения, улучшение техники скотоводства, увеличение качества его продукции, организация современной ветеринарной помощи, кредитование аратских хозяйств на их производственные и целевые нужды, установление льгот и поощрений, широкая популяризация вопросов улучшения кочевого скота, подготовка национальных кадров и др. [9, с. 20-23]. Эти планы были в той или иной мере приняты к реализации Минскотземом МНР. Приведенные А.А. Мелешко статистические данные свидетельствуют о том, что во всех аймаках наблюдается рост числа аратов, занимающихся сенокосением, увеличивается наличие сельскохозяйственных машин и инвентаря, наблюдается рост строительства хашанов, числа колодцев, приобретения транспортного и молочного инвентаря [10, с. 26-27]. Он считает, что приведенные итоги по кочевому скотоводству «указывают на определенный подъем, который наблюдается в развитии производительных сил аратских хозяйств» [10, с. 28].

Главным принципом номадного хозяйства монголов является круглогодичное пастбищное содержание скота, включая зимнее, осуществляемое благодаря высокому качеству зимнего подножного корма. Однако А.А. Мелешко считал, что зимние пастбища непродуктивны, поэтому довольно негативно относился к зимнему выпасу скота, а значит, отрицал целесообразность основного принципа монгольского номадизма. М.И. Тубянский в доказательство правоты своей позиции о сохранении основ номадизма приводит несколько аргументов. В первую очередь, это данные исследований выдающегося географа К. Риттера, автора фундаментального труда «Землеведение в отношении к природе и истории человечества» и работы выдающегося ученого, специалиста по физиологии растений К.А. Тимирязева. Оба исследователя выявили, что растения под снежным покровом остаются свежими и сочными и не теряют своих питательных качеств. Во вторую очередь, он приводит доказательства того, что калорийные свойства зимней травы сохраняются и на бесснежных пастбищах. Существует немало холодоустойчивых растений, не нуждающихся в каком-либо покрове, адаптированных к противостоянию к холодам. Высыхание предохраняет их от мороза. В засушливой Монголии в растениях не образуется опасный для них лед: осень здесь сухая и ясная, к концу ее учащаются заморозки, что создает условия растениям для предзимнего подсыхания и закалки. Третий его аргумент: Монголия не единственная страна с зимними пастбищами. В XIX в. в степных западных районах США начали практиковать зимнее пастбищное скотосодержание (yearlong grazing – круглогодичный выпас скота), создали новую отрасль скотоводства в стране, основанную на продуктивности зимних пастбищных кормов. Также советский скотоводческий опыт подтверждает и научно обосновывает продуктивность тебеневки, основанную на высокую ценность зимних пастбищ. В советских животноводческих журналах опубликованы научно обоснованные положительные оценки зимнего выпаса: на основании химического анализа зимних пастбищных кормов, выявлено, что он вполне сравним с лучшими сортами сена. На основании этих фактов М.И. Тубянский считает необоснованным мнение А.А. Мелешко о низкой продуктивности зимних пастбищ и невозможности круглогодичного выпаса скота на монгольских пастбищах [11, с. 155-160].

Эта, на первый взгляд, обычная дискуссия включает в себе глубокую принципиальную разницу в подходах советских специалистов к модер-

низации номадизма в Монголии. Вопрос сохранения или отмены зимнего пастбищного содержания скота, на котором базируется номадизм, на самом деле решал его судьбу. Но благодаря многим объективным обстоятельствам, в том числе историческим, экономическим и духовным, модернизация номадизма, внедрившая многие инновации, не затронула его принципиальных основ – в Монголии он сохраняется до настоящего времени. В результате социалистической модернизации в МНР проведена частичная седентаризация населения, появились новые методы содержания скота, практикуемые наравне с традиционными, поэтому не затронувшие в целом основы номадизма. Тотальные социально-экономические трансформации, инновации в жизни аратов-кочевников не затрагивали в целом основных элементов жизнеобеспечения (хозяйство, жилища, пища, одежда) и гармонично вписались в привычный кочевнический поток жизни аратов. Повседневная жизнь аратов МНР приобрела новые нюансы, но сохранила центральное ядро кочевнической культуры [1, с. 129-137].

В статье М.И. Тубянского имеется много интересных сведений этнографического характера, а также предложения по модернизации номадизма без ломки его основы – с сохранением круглогодичного выпаса скота. Он выявил, что существуют полезные растения, поедаемые скотом как в летнее время, так и в зимнее время, а также употребляемые только поздней осенью и зимой. Это *эмэ цахильдаг* (*Iris ensata*), поедаемый зимой верблюдами и овцами в Южном Гоби; *цзаг* (*Haloxyllum ammodendron*); *боро бударгана* (*Salsola gemmascens*); *умхай убус* (*Peganum nigellastrum*). В наиболее употребляемых зимой растениях (солянка и полынь) наиболее полезными, содержащими белки и жиры являются их плоды, поэтому скот поедает верхние части растений [11. с. 161].

Исследователь приходит к следующим выводам: » Необходимо дальнейшее биологическое и хозяйственное изучение зимних пастбищ; организация опытной работы по выращиванию наиболее ценных зимних растений, их семеноводства и посева для увеличения их доли в пастбищной растительности; использования некоторых растений как сырья для изготовления страховых фондов концентратов; для улучшения зимнего выпаса популяризация сведений о зимних кормовых растениях среди аратства; обмен в опытных целях семенным материалом с Казахстаном.» Проблему подкорма скота во время цзуда он предлагает решать по трем направлениям: сенозаготовки; си-

лосные заготовки; изготовление концентратов [11, с. 167- 168]

М.И. Тубянский открыто не демонстрирует свое отношение к переводу скота на стойловое содержание с постоянным прикормом, т.е. к интенсификации экстенсивного кочевого скотоводства и переводу его в разряд интенсивного животноводства. Об этом можно судить только из вышеприведенных косвенных данных. Его предложения по модернизации номадизма связаны созданием страхового кормового фонда для небольшого прикорма скота во время стихийных бедствий. Он пишет, что, когда монгольское аратство стоит перед задачей коренной интенсификации своего хозяйства, особенно важно точно определить и правильно оценить культурное наследие монгольской скотоводческой техники вообще и методы использования зимних пастбищ в особенности. Он считает, что изученный на основе современной науки метод номадного скотоводства можно использовать для создания рентабельного животноводческого освоения горных, степных и пустынных районах Центральной Азии. На почве поднятия зимостойкости и питательности пастбищ, обеспечения их водопоями и ветроломами, заготовки кормовых фондов для страховых целей и улучшения пород скота сможет быть создана новая, богатая скотоводческая культура, не нуждающаяся в стойловом содержании [11, с. 164-165].

На основании государственной программы МНР по созданию экономических предпосылок для социалистических преобразований и в результате активного научного сотрудничества СССР и МНР в 1930-е гг. состоялись первые опыты модернизация номадного хозяйства в МНР. Они носили характер частичной интенсификации экстенсивного кочевого скотоводства в отдельных опытных госхозах. В первую очередь они коснулись овцеводства, где были предприняты в опытных целях метизация относительно небольшого количества местных пород овец с тонкорунными мериносами. Для вновь созданных метисных отар создавали условия для стойлового содержания с подкормкой на протяжении всего холодного времени года. Местные породы овец, составлявшие в то время абсолютное большинство, круглый год традиционно содержались на подножном корму под открытым небом. Для молодняка устраивали небольшие полузакрытые загоны и давали при острой необходимости небольшой прикорм. Опыт интенсификации номадного хозяйства проходил под научным наблюдением, результаты которого публиковались в журнале «Современная Монголия». Проводился сравнительный анализ состояния отар метисных и местных пород,

находившихся в разных условиях содержания – интенсивного животноводства и экстенсивного кочевого скотоводства. Проведенные статистические данные по падежу скота показали небольшие преимущества стойлового содержания метисных стад. Однако в целом эта разница не была принципиальной. Это свидетельство целесообразности многовекового сохранения номадизма в Монголии ранее было отмечено многими советскими учеными, однако не являлось препятствием для выявления путей его модернизации для повышения производительности труда и создания устойчивой экономики. Такое предложение вносилось М.И. Тубянским, который ратовал за сохранение круглогодичного выпаса скота под открытым небом с условием создания страховочного фуражного фонда на случаи бескормицы и стихийных бедствий.

Заключение. Приведенные материалы из журнала «Современная Монголия» выявляют, что в 1930-х гг. в специальных опытных госхозах были реализованы первые опыты по модернизации монгольского номадизма. Развернувшаяся на страницах журнала дискуссия о характере модернизации свидетельствует о сложности поставленных перед специалистами задач по модернизации многовекового устоявшегося традиционного типа хозяйства кочевников сухих степей Евразии. Советские специалисты рассматривали две возможности: модернизации: путь значительной интенсификации номадного хозяйства с внедрением методов стойлового содержания скота с прикормом, которые, в конечном итоге, привели бы к созданию интенсивного животноводства и к исчезновению номадизма в стране; путь сохранения традиционного экстенсивного кочевого скотоводства с сокращением рисков за счет создания страхового фуражного фонда.

Статья подготовлена в рамках государственного задания. (Проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII-XXI вв.», номер госрегистрации 121031000243-5

Литература

1. Жамбалова С.Г. Повседневная жизнь аратов МНР в условиях социалистической модернизации // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 1 (35). С. 129-137.
2. Грайворонский В.В. Современное аратство Монголии: Социальные проблемы переходного периода 1980-1995. М.: Восточная лит., 1997. 184 с.
3. Даваажав Баяртогтох. Сотрудничество СССР и МНР в области сельского хозяйства: исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2019. 229 с.

4. Батуева Д.Ж., Тайшин В.А. Социально-экономические проблемы традиционного животноводства на трансграничных территориях Республики Бурятия и Монголии // *Фундаментальные исследования*. 2007. № 8. С. 11-15.
5. Жамбалова С.Г. Советско-монгольское сотрудничество в области изучения нomaдизма (по материалам журнала «Современная Монголия») // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2018. № 2 (32). С. 127-136.
6. Жебрак А. Пути и методы интенсификации кочевого животноводства МНР // *Современная Монголия*. 1933. № 3. С. 3-18.
7. Мелешко А. Первые опыты по овцеводству в Монголии (Ульдзегольский овцеводческий опытный госхоз) // *Современная Монголия*. 1935. № 1 (8). С. 58-77.
8. Мелешко А. Мероприятия по улучшению скотоводства в гобийской зоне // *Современная Монголия*. 1936. № 2 (15). С. 58-67.
9. Мелешко А. Вопросы кочевничества // *Современная Монголия*. 1936. № 1 (14). С. 3-23.
10. Мелешко А. Некоторые итоги по скотоводству МНР за 15 лет (1921-1935 гг.) // *Современная Монголия*. 1936. № 4 (17), 5 (18). С. 58-77.
11. Тубянский М. К вопросу о пастбищном зимовании скота в МНР (Проблемы рационализации кочевничества) // *Современная Монголия*. 1936. № 4 (17), 5 (18). С. 151-168.
12. Митин В.В. Научные связи СССР и МНР в 1920-1950-е гг. Академия наук СССР и Монгольский учёный комитет // *Метаморфозы истории*. 2014. № 5. С. 111-133, 122-123.
13. Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925-1953 гг.). СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2006. 280 с.
14. Даваажав Б. Сотрудничество СССР и МНР в области сельского хозяйства: исторический аспект // *Сибирь в годы великой рос. революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы всерос. науч.-практической конф. с междунар. участием (7 июня 2017 г.)*. УланУдэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 84-88.
15. Даваажав Б. Советские сельскохозяйственные экспедиции в МНР // *Научные проблемы и технические аспекты модернизации АПК и развития Байкальского региона: материалы науч.-практической конф. (5 февр. 2016 г.)*. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2016. С. 55-59.